

Интервью с Василием Манским (15 ноября 2013)

В рамках фестиваля российского кино в Эдинбурге, проводимого Русским центром им. Принцессы Дашковой Эдинбургского Университета состоялся показ нашумевшей картины «Труба» известного российского режиссера-документалиста Виталия Манского. Фильм уже успел объехать с большим успехом ряд кинофестивалей и собрать внушительную коллекцию призов и наград, среди которых победы в номинациях «За лучшую режиссуру» XXIV Открытого Российского кинофестиваля «Кинотавр» в Сочи и приз «За лучший документальный фильм» на 48-м Международном кинофестивале в Карловых Варах, а также вызвать бурю споров и дискуссий о том, какой предстала Россия в этой картине. Зрители нашего фестиваля получили уникальную возможность не только составить собственное мнение на этот счет, но и обсудить свои эмоции и впечатления с самим режиссером после показа. Творческая встреча прояснила многие вопросы и прошла в теплой дружеской атмосфере, а после Виталий любезно согласился ответить и еще на несколько вопросов для читателей нашего сайта.

- Вопрос, который возник буквально с первых кадров, - Вы раньше много путешествовали по России (СССР)?

- Да, но это были разрозненные поездки. А цельное путешествие позволило взглянуть на собственную страну совершенно иначе. Когда ты прилетаешь отдельно в Томск или в Питер, или в Липецк, а между ними поездки в Москву, Германию, другие страны – не складывается цельной картины. Нет ощущения того, как и что меняется. А изменения, безусловно, есть. И они глубинные. Одно дело лететь на самолете, другое – проехать на поезде. А тут я, по сути дела, прошел полстраны пешком. *(Вся съемочная группа проехала расстояние газопровода на специально оборудованном трейлере, в одну длительную поездку – прим. В.М.)*. Это очень близкий контакт и совершенно иные ощущения.

- Каков был основной эмоциональный фон в процессе съемок? Вы ужасались или удивлялись своим героям, условиям, в которые они поставлены, их взглядам на жизнь?

- Я не удивлялся. Это не новые земли, а я не Колумб. Я сам часть этого мира, я его понимаю и чувствую. Так что мои эмоции точно не были в зоне удивления. Когда мы встречались с ситуациями, которые мне были ближе, я эмоционально сопереживал им. Подчеркну, что именно не сочувствовал или сострадал, а сопереживал. Очень важно понимать, что мои герои в большинстве своем не нуждаются в жалости или сострадании. Они живут для себя естественной и, как ни парадоксально, комфортной жизнью. Это Сева Новгородцев может посмотреть со стороны из Лондона. А они не могут отойти никуда, нет этой дистанции. Они сопоставляют жизнь со своей окружающей реальностью, и все получается естественно. Да, моя героиня говорит, что свет включают на три часа в день, но она не жалуется. Она просто просит, чтобы это время включения не уменьшалось, чтобы их не лишали того, что есть.

- Вы, гражданин мира, житель крупного города, человек бешеного рабочего и жизненного ритма, чувствовали с героями фильма общность? Какие-то общие культурные коды, кроме общего языка, сохраняются?

- Я родился и вырос в самом европейском городе Советского Союза (*во Львове – прим В.М.*). Я чувствую генетически этот конфликт культур, который, возможно, стал еще одним катализатором к созданию этого фильма. Я не могу сказать, что я полностью созвучен своим героям, но я точно ощущаю Россию своей Родиной, и ее проблемы мне понятны, важны, очевидны – в этом я уверен.

- На Ваш взгляд, кино получилось дидактическим, Вы к этому стремились или это такой «побочный эффект»?

- Эту картину было бы очень легко сделать дидактической. То, что мы наблюдали, так и просилось в публицистическое пространство. Можно было бы легко привнести туда обвинительный пафос и дух безысходности. Никаких дополнительных усилий это бы не потребовало. Но я приложил максимум сил, чтобы этого избежать. Очень многое из того, что мы видели, могло бы стать фильмом под условным названием «Так жить нельзя – 2». Я мог бы надеть белые штаны и со страдальческой интонацией указывать на бесконечное количество недостатков. Но у меня были другие задачи. И мне кажется, я их выполнил.

- Существует такое бытовое представление о документальном кино, как о способе фиксации объективной реальности «как есть – так и показали». Но конечно, Вы всегда, так или иначе, конструируете для зрителей мир на экране. Какой путь Вам кажется более эффективным, важным – вложить свои интенции, слова, мысли в уста героя или же изобразительными средствами, мелочами, деталями, операторской работой подтолкнуть зрителя к каким-то ощущениям, выводам?

- Объективной реальности вообще не существует. Два человека могут стоять в одной точке, смотреть в одну точку – и у них будет абсолютно разное восприятие этой «объективной» реальности. Кино вообще не имеет никакого отношения к объективной реальности. Это всегда художественный образ. Если речь о документальном кино – художественный образ стоит на платформе реальных обстоятельств. Конечно же, образ всегда конструируется. И в процессе создания ты передаешь свои ощущения, мысли. В этом главная задача искусства. Мне бы хотелось заниматься именно искусством, а не публицистикой.

- Объектом для Вас может стать любой факт реальности? Высокое, низкое, бытовое, массовое?

- Не все, что я снимал можно отнести к пространству искусства. Я занимался и более прикладным кинематографом. Но предметом искусства, безусловно, может стать любое пространство. И это заблуждение, что если ты отошел от задач искусства, ты сразу ступил на территорию заказной проектной продукции. Скажем, я делал фильм о «Тату» не потому, что мне его кто-то заказал: я разбирался в том, в чем мне было интересно разобраться. Я увлекал за собой зрителя, сопровождая его по пути собственных открытий и размышлений. Может быть, эта картина оказалась более сформулированной в плане авторской позиции. Я оставлял зрителю меньше автономности, если я не дал все ответы на поставленные вопросы, то очень близко подвел к ним зрителя. А он уже либо принимает мою позицию, либо нет. В «Трубе» я оставляю зрителю более широкие возможности для суждений и оценок.

- Сегодня новые технологии дают каждому арсенал возможностей для создания собственных видео и интернет изобилует любительскими мини-фильмами. Вы, как профессионал, видите в этом всплеске любительства лавину информационного шума, погребаящую под собой единицы действительно интересных и талантливых идей, или источник рождения новой креативной среды?

- Я не знаю, какими перьями писали Пушкин и Толстой, но создание шариковых ручек не сильно повлияло на появление авторов такой величины. Технологии помогают автору более комфортно развивать собственный способ повествования. Делают голос автора более четко слышимым, дают, как вы выразились, широкий арсенал возможностей. Но они не рожают новых авторов.

- Что ж, еще раз спасибо, что Вы нашли время и возможность приехать в Эдинбург и познакомиться зрителей нашего фестиваля российского кино со своей новой картиной лично.

- Спасибо за приглашение. И я рад встрече, рад увидеть Эдинбург, с удовольствием побродил по улочкам старого города, тут очень красиво.

Беседовала **Виктория Мерзлякова**